

УДК 94(571.53)

М. М. Сперанский и Г. С. Батеньков: поиски основ сибирских преобразований

В. Д. Юшковский

Корпоративное издание ОАО «Томскнефть», г. Томск

Статья посвящена исследованию корней и предпосылок сибирских преобразований М. М. Сперанского и роли в их подготовке Г. С. Батенькова.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Г. С. Батеньков, Сибирь, законодательство, реформы, чиновники.

Уже в ранних проектах М. М. Сперанский, выделяя области, где требовался особый порядок управления, обращал внимание на сибирскую специфику. Подготовив модель, которая бы учитывала географические, хозяйственные и демографические условия, характерные для отдельного региона, он полагал возможным распространить опыт на другие территории. Сибирь ему виделась удобным объектом для экспериментирования в сферах законодательства и управления. Развивая эту работу, можно было скорректировать политику правительства, выработать общие государственные законоположения, единый механизм особого регионального управления и реализовать новый правительственный взгляд на Сибирь, как органичную часть единой российской территории.

Как уроженец Сибири, привлеченный к этой работе Г. С. Батеньков, был связан с краем сильнейшими узами, хорошо его знал, видел особенности. «Сибирь с ее особым общественным и нравственным климатом способствовала формированию широкого гуманитарного мировидения Батенькова, и, прежде всего, его нравственно-религиозных воззрений» [7, с. 202]. Он и сам признавал, что многим свойствам души был обязан Сибири. Отсюда глубоко личностное восприятие края, эмоционально окрашенные оценки, далекие от холодных бесстрастных суждений М. М. Сперанского. Положение, которое в то время занимала Сибирь, не соответствовало ее потенциалу, что понимали мыслящие представители общества. Бездорожье и малонаселенность, неразвитость путей сообщения, нехватка капитала и грамотных кадров, а главное – несовершенная система управления тормозили развитие региона.

Для будущего декабриста образ правления был настолько верен и справедлив, насколько учитывал местные особенности и самобытность народов. Конституция для него – это нравы, понимать которые власть обязана, поскольку «местные различия всего важнее в таком обширном государстве, как Россия» [4, с. 83]. Сибирь, считал он, могла развиваться, оставаясь в импер-

ской системе, но в пределах известной экономической свободы. Стремление М. М. Сперанского выработать образ правления, свойственный данной местности, было важным посылом. Однако для выполнения миссии, с которой он прибыл, общего взгляда было недостаточно: следовало иметь программу конкретных мер, а ее у наместника императора на первых порах, по свидетельству В. И. Вагина, не было. Мало того, он смотрел на Сибирь с предубеждением. Он обнаружил тут «те же пороки, те же глупости», что в центральной России, «то же терпение в бедных и своекорыстие в богатых»; своеобразие Сибири ему виделось в том, что «здесь, вообще говоря, всем жить широко, земля довольно хороша, и, следовательно, бедных меньше» [14, с. 11–12]. Других отличий он, казалось бы, не заметил. Отправляясь в Сибирь, он надеялся вернуться скоро в столицу. Должность генерал-губернатора особых восторгов у него не вызывала, пребывание в крае он рассматривал, как «почетную ссылку», которая давала возможность вернуть монаршую милость и расположение государя. Но предубеждение не оставляло его и после знакомства с краем. Сибирь, отмечал М. М. Сперанский, «прекрасное место для ссылочных, выгодное для некоторой части торговли, любопытное и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности твердой, основанной на хлебопашестве, фабриках и внутренней торговле» [14, с. 12]. Имея такие мысли, выработать новый взгляд на Сибирь, осуществлять коренное преобразование края на новых началах было затруднительно. Однако он и не спешил с коренными преобразованиями. «Общий характер административной деятельности», отмечал А. И. Парусов, был определен им в письмах Столыпину, где он признавал, что главным его правилом являлось «обозрение, а не управление». Он стремился к тому, чтобы «более узнавать, нежели делать, более готовить, нежели строить» [13, с. 52].

В ходе работ его отношение к Сибири стало меняться, но понимание, каким должен быть порядок управления, оставалось прежним, весьма схематичным: это были рецепты, применимые для всех частей государства. Они базировались на принципах гласности, совещательности, ограничения самовластия. Так выполнялась задача по устранению властного произвола, развитию системы местного управления. К осуществлению второй, более значимой задачи по установлению законности в управлении, выработке уставов, которые бы охватывали все сферы жизни, М. М. Сперанский подходил неспешно, осмотрительно, и не один, а вместе с сотрудниками канцелярии, среди которых выделялся Г. С. Батеньков. Сибирские «Учреждения» стали плодом совместных усилий. Свод новых законоположений создавался в обстановке исканий, обсуждений, и влияние будущего декабриста здесь неоспоримо, признают все исследователи. Сознвая ограниченность своих представлений, реформатор поспешил опереться на знания людей более осведомленных, и это было его важной заслугой.

Мнение осведомленного М. А. Корфа о том, что больше половины уставов, вошедших в свод сибирских законов (6 из 10-ти), были написаны «под руководством Сперанского» его «учеником», никто не оспаривал. В. И. Ва-

гин, понимая роль помощников, сообщал, что в свите генерал-губернатора «особенно видное место занимали Цейер и Батеньков». Последний, добавлял он, «был полезнейшим сотрудником Сперанского во многих его проектах», и в ходе законотворческой работы он стал более опытен: «некоторые из уставов, принадлежащих к Сибирскому учреждению», отличаются его «сильным и сжатым слогом» [3, с. 135]. Жалобы и доносы, сетовал в письмах М. М. Сперанский, не дают сосредоточиться на делах государственной важности. Он готовил почву для свободной торговли, предпринимательства, и привлечение Г. С. Батенькова к сбору статистических данных, выработке важнейших уставов из всего комплекса законоположений позволило приблизиться к созданию оптимальной модели регионального сибирского управления. Это следовало осуществить, опираясь на данные, которые собирал «ученик», причем в особой обстановке. «Дело шло в глубокой тишине и тайне», работа имела «вид простой ученой любознательности», вспоминал декабрист, «решительно никто не знал об этом <...>, так что можно спросить теперь: откуда взялось Сибирское учреждение...» [12].

Между тем взгляды декабриста не всегда совпадали со взглядами «учителя», особенно в отношении коренных сибирских народов. Первый смотрел на них как на равных, обладавших особой культурой и миропониманием, второй видел в них дикарей, стоявших на низшей ступени социального и духовного развития. Быт и традиции сибирских народов вызывали у М. М. Сперанского чувство брезгливости. Он был уверен, что «остяку свойственны низшие степени чувствительности», тогда как «высшие зависят от устройства органов, от усовершенствования их и нравственного образования, а еще более они зависят от обилия и полноты живущего в нас духа» [14, с. 22], чего остяки, по его мнению, лишены. Но если так, говорить о влиянии идей реформатора на создание «Устава об управлении инородцев» вообще вряд ли возможно. Если исходить из сути устава, неизбежно признаем, что именно «ученик» в соответствии со своими идеями вдохнул в него «дух преобразований». Г. С. Батеньков подчеркивал важность гуманистического подхода при решении задач, связанных с условиями жизни людей. «Поднять уровень народа можно, любить его, сближаться с ним, внимать ему должно, и вредно не предварить его и уходить от него далеко по естественному преимуществу умственного труда», – считал он [16, с. 59].

Показывая позицию «учителя» и «ученика», С. В. Кодан писал о расхождении по ряду вопросов, неоднозначности подхода обоих к реформе законодательства. Хотя добавлял, что «их объединяло главное – стремление наиболее полно и всесторонне определить статус» Сибири, поставить ее жизнь «на твердые основания закона» [11, с. 117]. Разность подходов сказалась и при разработке «Устава о ссыльных». М. М. Сперанский хотел лишь упорядочить ссылку, внести в этот процесс рациональное начало, Г. С. Батеньков же полагал ее средством социально-экономического развития края. «Поддерживая свободное переселение в Сибирь крестьян с предоставлением земли», он «ссылке отводил лишь вспомогательную роль в формировании населения через <...> переход в крестьяне» отбывших наказание преступников [10,

с. 25]. Исходя из понимания «свойства коренного населения» Сибири, ее нравственного развития, убеждал, что «значение ссылочного места отнюдь не может быть главным», осуждал «применение царских указов о ссылке крестьян в Сибирь по воле помещиков» [10, с. 24–25].

Наместнику императора, по словам Г. С. Батенькова, важно было предоставить краю «логичное, прочное, мирное юридическое устройство», которое бы самодержавное правление могло применить в отношении других имперских окраин. Социальное и нравственное развитие Сибири в этих замыслах едва ли входило в число приоритетов. «Ученику» же более важным казался подход, при котором решение этих задач обретало первостепенное значение, становилось системообразующим фактором для процесса реформирования. В то же время было бы ошибкой противопоставлять позиции «учителя» и «ученика», видеть в несходстве взглядов причину, которая мешала сближению, умалять роль М. М. Сперанского, – равно как не выдерживает критики и попытка увидеть в сибирской реформе «ярко выраженный» классовый характер.

«Ряд серьезных расхождений между Сперанским и Батеньковым в ходе подготовки законопроектов оказали свое влияние на некоторый консервативный характер преобразований», – справедливо писал С. В. Кодан [9, с. 27]. При этом, как и другие, он признавал огромное, судьбоносное значение «Учреждения для управления Сибири». Работа по кодификации сибирского законодательства, стремление внести в региональное управление новые принципы, осуществить правовую модернизацию управления, – все это имело важнейшие для края последствия, и такая работа была плодом общих усилий. При всей субординации, разницы в положении «учителя» и «ученика», имело место равноценное, взаимоуважительное сотрудничество, союз теоретика и практика, правоведа и инженера-строителя, столичного вельможи и провинциала-сибиряка.

Почти во всех поездках Батеньков сопровождает генерал-губернатора, вникает в дела, выполняет его поручения. Его занимает план преобразования сибирского управления, но не только: на правах чиновника для особых поручений он участвует в разборе жалоб, ревизии присутственных мест, обозрении «всей картины тогдашнего строя». Все это «возбуждало в нем» мысль о возможности «значительного ослабления зла в Сибири созданием новых учреждений <...> и привлечением на службу в Сибирь лучших людей» [2, с. 41]. Можно предположить, что М. М. Сперанский не обошелся без ученика и в работе над «Предложениями Томскому губернскому правительству». Предложения по улучшению делопроизводства, городского управления, взиманию земских и волостных повинностей имели прочную фактографическую основу, требовали знания финансово-хозяйственного положения в губернии, что достигалось не без участия Г. С. Батенькова. В частности, раздел, который посвящен был губернским дорогам и подробным картам «с описаниями», наводит на мысль об участии сибиряка в этой работе, – как и раздел, призывавший экономней расходовать средства на строительство (глава «О расходах»).

Злоупотребления затрагивали все сферы хозяйственной жизни и социально-экономических отношений. Особенно заметны они были во всем, что касалось сбора ясака, заготовки и торговли хлебом. М. М. Сперанский понимал, что система, которая предусматривала запрещения и ограничения в торговых операциях, вела к казнокрадству и взяточничеству, попиранию интересов населения. Запрещая свободную торговлю хлебом, чиновники вели дела, и с немалой выгодой, сами. Такое положение не устраивало генерал-губернатора. Так появились «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли», опубликованные за подписью сибирского генерал-губернатора в ноябре 1819 г. Правила возникли «в подтверждение и пояснение существующих о том узаконений», подтверждали связь с прежними правовыми актами и были разосланы по Сибири, «дабы каждый из жителей был о содержании оных изведен» [5]. В действительности же документ содержал ряд новых мер по оживлению торговли: поощрял рыночную торговлю в городах по «добровольным ценам», запрещал взимать плату на перевозах выше допустимой, налагать поборы с извозчиков, определял порядок заготовки и продажи хлеба для нужд казны и населения. Но социально-экономические преобразования, как понимал их М. М. Сперанский, этим не исчерпывались. Для обеспечения свободы коммерции вводились Главные управления торговли, регулирование землепользования на государственных землях поручалось Казенной палате. В соответствии с «Правилами о соляной торговле в Сибири» (1820), упразднялись откупы, налаживалась свободная продажа соли.

Все эти меры разрушали почву для злоупотреблений, создавали условия для оздоровления сибирской экономики, развития предпринимательства, накопления частного капитала. М. М. Сперанский исходил из государственного интереса, поскольку сибирская торговля имела большое значение для России. Прогрессивный посыл реформ был неоспорим, но реальная их польза вызывала сомнения. Злоупотребления чиновников в торговле «оставались необнаруженными и бездоказанными при Сперанском» и после него (Н. М. Ядринцев), а значит, искоренить зло, при всем желании, не удалось. Торговая кабала, «система казенных подрядов, сопряженная с разграблением казны посредством непомерных подрядных цен, часть которых шла на взятки» [18, с. 508], другие проявления беззакония оставались. В Томской губернии тоже: «беспорядки и упущения, допущенные бывшим Нарымским земским исправником Беляевым по тамошним казенным запасным магазинам», «безобразия по закупке хлеба» в других местах отражены в архивных документах [6, л. 2].

Вместо «сообщения казенных выгод при заготовке хлеба» чиновники преследовали нередко корыстный интерес. Встречали препятствия те, кто «находил вернейшим средством покупать оный у самих земледельцев, но отнюдь не от подрядчиков, кои, скупая хлеб у тех же поселян, стараются продать его с несоразмерною для себя пользою» [6, л. 16]. По мысли М. М. Сперанского, который видел сопротивление реформам, проблема заключалась в людях, ведь сибирское общество оставалось прежним, исполнители в администрации были те же: ограниченные, своекорыстные, духовно неразвитые. Но из этого следовало, что, приступая к перемене условий жиз-

ни, реформатор ошибся в оценке действительности. Законодатель, полагал он, должен точно знать объект воздействия, понимать, на какой стадии развития находится общество, его политические и правовые институты. Знание этого давали статистические данные, но «не имея времени, ни даже склонности заниматься подробностями» (М. А. Корф), вельможа поручил это «ученику».

Убеждение в том, что разумно устроенные органы власти и правильные, разумные установления позволят достичь результата, М. М. Сперанский сохранил и в Сибири: он верил в силу закона и «прочных учреждений». Отсутствие в Сибири добросовестных чиновников, налоговое невежество, неразвитая система самоуправления, другие факторы, мешавшие установлению законности и порядка, принимались в расчет, но не виделись принципиально важными. Позже, решая проблему соотношения законов и нравов, характера управления и развития общества, областники выдвигали другую программу: ратовали за просвещение, гласный суд и земство в Сибири, поддержку литературы, науки, создание здорового общественного мнения. К сходному выводу приходил Г. С. Батеньков, думая о преобразованиях. Очевидно, поэтому, а не только из-за недостатка опыта, первые его законодательные проекты вызвали неудовольствие «учителя» и, как верно подметил В. Г. Карцов, «разбивались о ледяную действительность».

Впоследствии Г. С. Батеньков не раз возвращался к этой теме. «Огромный свод законов <...> представляет собой единственную погребальную пирамиду из камней старой, вековой администрации <...>. Но законом это назвать грех. Закон есть умный вывод из оснований всей народной жизни, выраженный ясным словом и через то водворенный в нравах и обычаях», – писал он [8, с. 108]. Такую нравственную подоплеку должны были иметь, в его понимании, и сибирские реформы. В то же время он сознавал экономическое значение края, Сибирь ему виделась «маховым колесом» в общем движении народной жизни страны. Это понимание заставляло заниматься статистикой, разрабатывать отдельные направления развития края, помогать М. М. Сперанскому в его начинаниях. Включая те, которые касались реформы административных органов, четкой организации государственного механизма, введения коллегиальных форм правления и надзора за работой местных органов. Попытка вписать институт генерал-губернаторства в министерскую систему не была безуспешной. Г. С. Батеньков признавал важным поставить генерал-губернатора в правовые рамки, разделить власть и исполнение.

В мемуарах он описывает действия М. М. Сперанского в Сибири, избегая резких суждений, и уклоняется от выводов, которые могли бы бросить тень на «учителя». «Очевидно, что учреждение сие имело неоспоримую стройность и чрез то стало явным, способным к обозрению наукой в достоинствах его и недостатках...», – пишет он, и заключает: «Учреждение сие имело ту же участь», что прежние благие начинания [1, 107]. Ход реформирования системы управления проследить невозможно, первоначальные проекты были утрачены, судить о них мы можем по высказываниям М. М. Сперанского и другим косвенным данным. Но и эти высказывания, и реакция на реформы

современников заставляют думать, что последний вариант законоположений имел явно компромиссный характер. Если так, это было причиной осторожных, щадящих высказываний «ученика» М. М. Сперанского.

Сохранившаяся часть архива Г. С. Батенькова, между тем, позволяет увидеть его целостную сибирскую концепцию. Предельно отчетливо сибирская концепция будущего декабриста проявилась в двух документах: «Устав об управлении инородцев» и «Устав о ссыльных», которые опережали свое время и содержали принципиально новые положения, как и «Устав об этапах». По мнению С. В. Кодана, «законодательство ряда европейских стран, применявших ссылку в качестве наказания, не располагало подобными правовыми актами» [9, с. 29]. Нельзя не признать, что и весь блок законоуложений оказался новаторским, надолго определив принципы местного управления и территориального устройства региона, во многом, благодаря Г. С. Батенькову. Он занимался законотворчеством, исходя из глубокого знания жизни и той установки, при которой в центре внимания оставался человек: потребности и нужды сибиряка, его неоспоримые гражданские права.

Иное понимание находим у М. М. Сперанского, который стремился добиться перемен разумным, правильным управлением: у него на первое место выходили проблемы взаимодействия общества и власти. Разумный, учитывающий особенности края закон, он полагал, имеет больше оснований укорениться. Для Г. С. Батенькова этого было мало: он возлагал надежды на «человеколюбивое право», добрый закон, который соответствует условиям жизни, обычаям и нравам людей. В то же время оба сходились на том, что сила закона, каким бы он ни был, должна быть «уважена» обществом. В одном из писем Г. С. Батеньков высказывает эту мысль определенно. «Следуя обычаям времени и страны своей и исполняя во всей точности, без прекословий и уместований, уставы их, — пишет он, — человек бывает благополучен, а след[овательно], ближе к праву называться мудрым» [15, с. 91]. Если же добрый закон люди принимают без прекословий, это вдвойне хорошо, тогда преобразования станут необратимы и глубоко затронут все сферы жизни. Вера в это при составлении сибирских законопроектов двигала «учителем» и «учеником». Но М. М. Сперанский, как видно из писем, отчетливее понимал сложность подобной задачи, и не тешил себя иллюзиями на быстрое «искоренение зла».

1. *Батеньков Г. С.* Данные. Повесть собственной жизни. // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. Т. 2. М. 1933.

2. *Бакай Н. Н.* Сибирь и декабрист Г. С. Батеньков. // Тр. Томск. краеведческого музея. Томск. Т. 1. 1927.

3. *Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. Т. 1. СПб. 1872.

4. Восстание декабристов. Т. 14. М. 1976.

5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 997. Л. 25–25 об.

6. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25.

7. *Канунова Ф. З.* Томск в литературной судьбе Батенькова // Русские писатели в Томске. Томск. 1996.
8. *Карцов В. Г.* Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск. 1965.
9. *Кодан С. В.* Устав об этапах 1822 г. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск. 1982.
10. *Кодан С. В.* Сибирская ссылка декабристов. Иркутск. 1983.
11. *Кодан С. В.* М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск. 1988.
12. Объяснительная записка Г. С. Батенькова о службе с М. М. Сперанским. // ИРЛИ. Ф. 604. Оп. 1. Д. 14. Л. 32–33 (ИММД, фонд А. А. Брегман).
13. *Парусов А. И.* Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819–1822 гг. // Уч. зап. Горьковского ун-та. Историко-философская сер. Вып. 72, т. 1. Горький. 1964.
14. Письма М. М. Сперанского из Сибири и его дочери Елизаветы Михайловны. М. 1860.
15. Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М. 1936.
16. *Шатрова Г. П.* Декабристы в Сибири. Томск, 1962.
17. *Шерстова Л. И.* Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII – XIX вв. Томск, 1999.
18. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892.

M. M. Speransky and G. S. Batenkov: in Searching of the Transformation Basis of Siberia

V. D. Yushkovsky

Corporate edition of the Joint-Stock Company «Tomskneft», Tomsk

The article explores the background and preconditions of Siberian transformations by M. M. Speransky. Besides it examines G. S. Batenkov's role in their development.

Key words: M. M. Speransky, G. S. Batenkov, Siberia, legislation, reforms, bureaucracy.

Юшковский Виктор Данилович – кандидат исторических наук, сотрудник корпоративного издания ОАО «Томскнефть», 634029, г. Томск, ул. Белинского, 21/1 – 28, e-mail: vikdan@sibmail.ru

Yushkovsky Viktor Danilovich – Candidate of Historical Sciences, officer of the Corporate edition of the Joint-Stock Company «Tomskneft», 634029, Tomsk, Belinsky St., 21/1-28, e-mail: vikdan@sibmail.ru